

Архиерейские школы Новгородской епархии при Феофане Прокоповиче

Н. В. Салоников, К. В. Суториус

Для цитирования: Салоников Н. В., Суториус К. В. Архиерейские школы Новгородской епархии при Феофане Прокоповиче // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. Вып. 4. С. 1047–1064. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2022.402>

Статья посвящена одной из малоизученных в отечественной историографии тем — двум школам, которые находились в ведении Новгородского архиерея Феофана Прокоповича: архиерейской школе в Великом Новгороде, основанной в 1706 г., и школе, находившейся на Карповском подворье Прокоповича в Санкт-Петербурге, основанной в 1721 г. В научной литературе до сих пор о деятельности этих учебных заведений распространены представления, сформировавшиеся еще в XIX столетии. Авторы данной статьи вводят в научный оборот источники, которые не только сообщают новые сведения об истории этих школ, но и позволяют иначе взглянуть на уже известные факты. В частности, показывается, что вопреки сложившемуся в историографии мнению школа в Новгороде не прекратила свое существование с приходом в 1725 г. на Новгородскую кафедру Феофана Прокоповича: учебное заведение было подвергнуто сильному сокращению, однако с 1732 г. его деятельность постепенно возвращается в привычное русло. В то же время Карповская школа не претерпела столь значительных изменений. Имеющиеся источники дают основание говорить о том, что Духовный регламент (хотя Феофан Прокопович и был его автором) не повлиял на программу обучения в Новгородской школе, программа которой в 1730-х гг. состояла только из изучения языков: церковнославянского, греческого, латинского. Учебный же план Карповской семинарии лишь частично отражал указания Духовного регламента. Важнейшими предметами здесь, кроме преподавания языков (церковнославянский и латинский), были музыка и живопись. Сравнение программ обеих новгородских школ с учебными планами других существовавших в Петербурге учебных заведений позволяет поставить обе новгородские школы в один ряд со школой при Александро-Невском монастыре,

Николай Вячеславович Салоников — канд. ист. наук, доц., Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Российская Федерация, 173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41; Nikolai.Salonikov@novsu.ru

Nikolay V. Salonikov — PhD (History), Associate Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, 41, Bol'shaya Sankt-Peterburgskaya ul., Veliky Novgorod, 173003, Russian Federation; Nikolai.Salonikov@novsu.ru

Константин Владимирович Суториус — канд. ист. наук, ст. преп., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 190068, Санкт-Петербург, наб. кан. Грибоедова, 123; sutorius@mail.ru

Konstantin V. Sutorius — PhD (History), Senior Lecturer, HSE University, 123, nab. kan. Griboedova, St Petersburg, 190068, Russian Federation; sutorius@mail.ru

Исследование выполнено при поддержке Научного фонда Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2020–2021 гг.

The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the National Research University — Higher School of Economics (HSE University) in 2020–2021.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

а также с Академической гимназией и рассматривать их как школы общего гуманитарного образования, которые давали их воспитанникам широкие возможности для гражданской и церковной карьеры.

Ключевые слова: история образования, Феофан Прокопович, Новгородская архиерейская школа, Карповская семинария, Духовный регламент.

Episcopal Schools of Novgorod Diocese under Feofan Prokopovich

N. V. Salonikov, K. V. Sutorius

For citation: Salonikov N. V., Sutorius K. V. Episcopal Schools of Novgorod Diocese under Feofan Prokopovich. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2022, vol. 67, issue 4, pp. 1047–1064. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2022.402> (In Russian)

The paper is devoted to two schools under the jurisdiction of Feofan Prokopovich, Archbishop of Novgorod in 1725–1736: a school in Novgorod founded in 1706, and a school in Saint Petersburg in the compound of archbishop on the Karpovka River, founded in 1721. The set of sources which represent the history of these schools needs to be updated. The scholarship still has referred to the perception formed in the 19th century. The paper introduces new sources, which reveal that the school in Novgorod did not cease to exist when Prokopovich became Archbishop of Novgorod. There is evidence to suggest that the school functioned in 1729 and perhaps in 1730. It underwent downsizing was resumed its activities in 1732. At the same time, the school on the Karpovka River did not undergo such considerable changes. “Spiritual Regulation” (1721) did not affect the curriculum of the school in Novgorod, which included only the study of languages in the 1730s (Church Slavonic, Greek and Latin), although Prokopovich was the author of this document. The curriculum of the Karpovka seminary followed the guidelines of “Spiritual Regulation” only partly. Here, besides languages (Church Slavonic and Latin), Music and Arts were significant subjects. Even those who didn’t study Latin studied these subjects. The choir of the archbishop was comprised of students, and while Prokopovich lived in Moscow (1729–1731), he took his students with him. The study of Arts enabled the alumni to pursue artistic careers. Both Novgorod schools can be compared to the school in Alexander-Nevsky monastery and the gymnasium of the Academy as schools providing liberal education.

Keywords: history of education, Feofan Prokopovich, the school of Novgorod archbishop, the seminary on the Karpovka, *Spiritual Regulation*.

Введение

Новгородская архиерейская школа, основанная в 1706 г. митрополитом Иовом (1697–1716), была одним из самых успешных образовательных проектов петровского времени. Это было обусловлено как материальными ресурсами Новгородской епархии, одной из наиболее обширных и богатых в России начала XVIII столетия, так и активной деятельностью новгородских архиереев, которым удалось создать в епархии многоуровневый общеобразовательный центр. Хотя школа была открыта «пользы ради Христовы Церкви», в ней учились представители разных социальных слоев. В архиерейской школе в Новгороде, кроме составляющих начального образования (чтение, письмо, букварь, десять заповедей, молитва Господня, Символ веры, Блаженства Евангельские, Часослов, Псалтырь), ученики изучали грамматику церковнославянского, греческого и латинского языков, риторику, пиитику,

имеются свидетельства о преподавании в ней философии. Наивысшего расцвета школа достигла при архиепископе Феодосии Яновском (1721–1725 гг.). При нем появилась латинская школа, а также в разных местах Новгородской епархии возникла целая сеть так называемых епархиальных школ, в которых кроме начального образования ученики «по желанию своему приходили до грекославенския школы ко обучению грамматики и протчих наук»¹. В ноябре 1723 г. Новгородская школа стала центром подготовки учителей грамматики церковнославянского языка из других епархий России².

В 1721 г. после утверждения Духовного регламента в новой столице, которая находилась на территории Новгородской епархии, появляются еще две самостоятельные школы, находившиеся в ведении духовных властей: школа в Александро-Невском монастыре и школа тогда еще псковского архиерея Феофана Прокоповича на его подворье на реке Карповка³. Школы эти, хотя и располагались на территории Новгородской епархии, однако не были в ведении епархиального начальства. Школа в Александро-Невском монастыре находилась в ведении властей монастыря, который был в прямом подчинении Синода. Петербургская же школа Феофана Прокоповича в 1725 г., когда он стал архиепископом Новгородским, перешла на баланс Новгородской епархии. В результате в епархии оказались две независимые друг от друга архиерейские школы — школа при архиерейском доме в Новгороде и школа на Карповском подворье в Петербурге. В данной статье мы бы хотели рассмотреть, в чем было сходство и в чем различие учебных планов этих двух учебных заведений.

В отечественной историографии история архиерейской школы в Новгороде конца 1720-х и первой половины 1730-х гг. изучена мало. Помимо отдельных фактов из истории школы этого периода, упоминаемых И. А. Вознесенской⁴, специальные работы о ней отсутствуют. По всей видимости, причина такого невнимания исследователей заключается как в том, что деятельность школы была в это время сильно сокращена по сравнению с ее работой в правление двух предшественников архиепископа Феофана Прокоповича, так и в том, что источники по истории школы мало изучены и не введены в научный оборот. Из двух школ в историографии чаще упоминается школа на Карповке. Подробное сообщение об этой школе мы находим в исследовании И. Чистовича, посвященном Феофану Прокоповичу⁵. Автор опирается в этой части на документы из архива Святейшего Синода, архива Александро-Невской лавры, опубликованные письма Феофана и некую рукопись из библиотеки Новгородской духовной семинарии № 3885, нами не обнаруженную. Последующие авторы, в той или иной степени рассматривавшие историю Карповской школы, во многом восходят к этому сообщению И. Чистовича.

¹ Ведомость учеников архиерейской школы и епархиальных школ Новгородской епархии // Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 796. Оп. 8. Д. 223. Л. 144 об.

² Салоников Н. В., Суториус К. В. Подготовка учителей грамматики церковнославянского языка в Новгородской архиерейской школе (1723–1725 гг.) // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород, 2020. Вып. 19 (29). С. 397–426.

³ При этом в самом Пскове действовала отдельная архиерейская школа.

⁴ Вознесенская И. А.: 1) Новгородская школа братьев Лихудов // Новгородский исторический сборник. Вып. 10 (20). СПб., 2005. С. 232–235; 2) Новгородская архиерейская школа // Вторые Лихудовские чтения. Великий Новгород, 2009. С. 55–59.

⁵ Чистович И. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868.

Архиерейская школа в Новгороде

О программе школы в начале правления Феофана Прокоповича мы можем судить по ведомостям учащихся славянской, латинской и греческой школ из архива Санкт-Петербургского института истории РАН, составленным в конце 1725 — начале 1726 г.⁶ В греческой школе у учителя архимандрита Филимона значится 17 учеников⁷. В латинской школе у студента Павла Горошковского училось 44 человека: 23 латинскому языку, 10 «славянской грамматики, а ныне учащи десятословия в той же латинской школе», 8 «по руски учатся в той же латинской школе», 3 «из немецкой школы переведены в латинскую и обучаются десятословия»⁸.

В конце 1725 г. началось закрытие школ и сокращение числа учеников. Сначала архиепископ Феофан распустил учеников, присланных в Новгород из других епархий для изучения грамматики⁹. В 1726 г. были закрыты славянская, латинская и епархиальные школы. При архиерейском доме в Новгороде осталась только греческая школа, которая в документах называлась «эллиногреческая». Учитель в школе остался только один — архимандрит Филимон. Каковы были причины, побудившие Феофана Прокоповича к сокращению школ в Новгороде? К сожалению, фрагментарность сохранившихся источников не дает нам возможность точно ответить на этот вопрос.

Состояние греческой школы при архиепископе Феофане Прокоповиче отражает раздел итоговой ведомости 1727 г., в котором названы ученики «ныне обретающиеся при грекославенской архиерейской школе»¹⁰. Здесь указаны имена 19 учеников, шесть из которых изучили грекославенскую грамматику и учат «питики вторую часть», семь человек изучают греческую грамматику, а шесть человек учатся читать по-гречески. «Ведомость о состоянии Новгородского архиерейского дома» из Государственного архива Новгородской области свидетельствует о том, что в 1727 г. число учеников «эллиногреческой» школы выросло до 22 человек¹¹. Нам известны еще три списка учеников «эллиногреческой» школы, составленные в ноябре 1727 г., апреле 1728 г. и феврале 1729 г.¹² В апреле 1728 г. Феофану Прокоповичу был отправлен «Реэстр, колико в доме великоновоградскаго архиерея в домовных гошпиталех и школах, и в других службах обретается нищедствующих, странных и на одрех лежащих и школьников, с которых в подушной оклад от генералитета спрашиваются деньги»¹³. Здесь названы имена 13 учащихся «эллиногре-

⁶ Ведомости греческой, латинской и славянской школ // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее — Архив СПб ИИ РАН). Кол. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 12, 13–14 об., 42–43 об., 44–45 об., 46–46 об., 47–47 об.

⁷ Там же. Л. 12.

⁸ Там же. Л. 13–14 об.

⁹ См.: Салонилов Н. В., Суториус К. В. Подготовка учителей грамматики церковнославянского языка в Новгородской архиерейской школе. С. 403.

¹⁰ Ведомость учеников архиерейской школы и епархиальных школ Новгородской епархии // РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 223. Л. 126–183.

¹¹ Ведомость о состоянии архиерейского дома // Государственный архив Новгородской области (далее — ГАНО). Ф. 480. Оп. 1. Д. 166. Л. 71 об.

¹² Там же; Реэстр нищих и школьников, обретающихся в Новгородском архиерейском доме // Там же. Д. 167. Л. 5–10; Доклад архиерейского разряда Феофану Прокоповичу о нищих и школьниках, обретающихся в архиерейском доме // Там же. Л. 15–18 об.

¹³ Реэстр нищих и школьников, обретающихся в Новгородском архиерейском доме // Там же. Л. 5–10.

ческой» школы. Эти же данные повторяются в докладной выписке 1729 г.¹⁴ Однако число учеников могло быть несколько больше, поскольку сведения предоставлялись только о тех, кто подлежал подушному окладу.

Часть учеников школы составляли подкидыши и сироты. 17 января 1726 г. Феофан Прокопович направил указ судье архиерейского дома Маркеллу Радышевскому: «Подкидышков, которые меньше двенадцати лет, тех обучать букваря и прочего изустно, а языков никаких не учить. И по изучении того отдавать в науку живописную и столярную, а которые возраста двадцатилетнего, тех в разные домовые работы определить»¹⁵. 26 января 1726 г. он распорядился: «Так же крестьянских и салдацких детей впредь в школу не принимать и в церковный клир не определять, ибо после могут отторгнены быть в иное дело и учение их вотще будет»¹⁶.

Следующее упоминание о Новгородской школе относится к январю 1730 г., когда шесть учеников греческой школы были отправлены в Москву для обучения ремеслу¹⁷. Видимо, в начале 1730-х гг. школу покинул учитель архимандрит Филимон, ставший настоятелем Нередицкого монастыря¹⁸. Хотя деятельность Новгородской школы была подвергнута сильному сокращению, мы не имеем достоверных свидетельств того, что учебный процесс в ней прекратился. По-видимому, важную роль в оживлении Новгородской школы сыграл синодский указ 1731 г. о содержании школ при архиерейских домах для обязательного обучения детей духовенства, в соответствии с положениями Духовного регламента¹⁹. В начале 1732 г. судья Новгородского архиерейского дома архимандрит Андроник докладывал архиепископу Феофану Прокоповичу, что по высочайшему указу, присланному из Святейшего Синода, «велено при доме Вашего архиерейства иметь школы греческие и латинскую, каковая школа греческая из давних лет и обретается, и учатся в ней славянского и греческого диалекта домовые разного звания люди...»²⁰. Слова о том, что школа «обретается», а ученики в ней «учатся», могут означать, что школа продолжает действовать. 14 марта 1732 г. архиепископ Феофан распорядился в Новгороде в «школе при доме его архиерейском и собрать священнических и причетнических тако же и сиротских крестьянских и не подкидышев детей возраста малого и не больше 12 лет и <...> довольно учить между тем читать и писать по-гречески и латински, а между тем иподиаконам Феодору Максиму и Иродиону Тиханову, написав, прислать к нам известие, чего оне до селе учили и ныне учат и каким спо-

¹⁴ Доклад архиерейского разряда Феофану Прокоповичу о нищих и школьниках, обретающихся в архиерейском доме // Там же. Л. 15–18 об.

¹⁵ Указ Феофана Прокоповича об обучении в школе подкидышей // Архив СПб ИИ РАН. Кол. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 2–2 об.

¹⁶ Определение Феофана Прокоповича о подготовке именного реестра подкидышей, находящихся в госпиталях архиерейского дома // Там же. Л. 3.

¹⁷ Письмо архимандрита Серафима секретарю Козьме Бухвостову об отправке школьников в Москву // Там же. Л. 71–72; Роспись учеников архиерейской школы, отправленных в Москву для обучения ремеслу // Там же. Л. 75–76.

¹⁸ Указы Феофана Прокоповича о назначении и перемещении священнослужителей // ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 336. Л. 22 об., 27–28.

¹⁹ Синодский указ архиепископу Феофану Прокоповичу об обучении в школах детей священно и церковнослужителей // Там же. Д. 248. Л. 52–53 об.

²⁰ Доклад архимандрита Андроника о содержании школ при архиерейском доме в Новгороде // Там же. Д. 272. Л. 6.

собом, методом или путем...»²¹. Резолюция владыки содержит некую двусмысленность, потому что, с одной стороны, дается распоряжение «собрать» детей в школу, а с другой — слова «ныне учат» говорят о том, что школа уже функционирует.

В январе 1733 г. учитель школы Федор Максимов направил архиерею доношение, которое содержит важные сведения как о состоянии школы в это время, так и о порядке обучения. Здесь, в частности, говорится: «Прошлого 1732 года в разных месяцах указом Вашего преосвященства определены новгородския церковническия дети в школу ко учению, из которых ныне обучилися шесть человек букваря <...>, а четверо окончивают букварь <...>. А прежде сего таковым учеником в школе по обучении букваря учено гречески читать и писать, а потом грамматика. А которые не весьма острые и гречески читать не могущии, тем славенская грамматика учена»²². 6 февраля 1733 г. судья архиерейского дома архимандрит Андроник докладывал Феофану Прокоповичу, что в школу «в Новгороде церковнических детей собрано дватцать пять человек»²³.

В 1734 г. среди предметов, преподававшихся в школе, мы находим латинский язык. Учитель Новгородской школы Иван Никифоров 29 марта 1739 г. писал в Синод: «В прошлом 1734-м году определен я <...> в <...> новгородскую архиерейскую школу для обучения имеющихся во оной школе учеников на латинском диалекте <...> и обучал несколько человек до тридесяти шестого году, а когда был разбор о присягах, тогда те ученики все отошли от меня: иных в салдаты побрано, а иные померли»²⁴.

В ведомости на выдачу жалования служителям Новгородского архиерейского дома на 1737 г., составленной в конце 1736 г., указано, что «на содержание школ учителем трем, каковых хотя ныне при тех школах не имеется, но впредь быть надлежат», необходимо выдать учителям греческого и латинского языка по 100 рублей денег каждому и по 50 четвертей хлеба, учителю «славенороссийского» языка 50 рублей и 25 четвертей, а «имеющимся ныне в наличии при тех школах учеником греколатинским 16, славенской [школы] 54» предполагалось выдать каждому по 8 рублей и по 5 четвертей хлеба²⁵. «Греколатинские» ученики изучали греческий или латинский языки, или оба вместе, в «славенской» школе изучали церковнославянский язык. Вызывает недоумение указание на то, что учителей языков «не имеется», но при этом ученики есть.

Сведения о предметах, изучаемых в школе, мы находим во «ведении», которое экононом Новгородского архиерейского дома монах Герасим направил из архиерейского дома 1 декабря 1736 г. в новгородскую комиссию «о разборе церковников

²¹ Доклад архимандрита Андроника о содержании школ при архиерейском доме в Новгороде // ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 336. Л. 7.

²² Доношение иподиакона Федора Максимова об обучении детей в архиерейской школе // Там же. Л. 16.

²³ Доношение архимандрита Андроника об исполнении указа об обучении детей в архиерейской школе // Там же. Л. 15.

²⁴ Прошение учителя Ивана Никифорова в Св. Синод // РГИА. Ф. 796. Оп. 19. Д. 288. Л. 240.

²⁵ Ведомость о выдаче жалования служащим архиерейского дома в Новгороде // Там же. Оп. 18. Д. 318. Л. 429 об. — 430 (по прежней чернильной фолиации). — Согласно ведомости о церемонии, которая состоялась при погребении тела Феофана Прокоповича 19 сентября 1736 г. в Новгороде, в процессии, сопровождавшей гроб владыки из Антониева монастыря в Софийский собор, шли «Новгородския архиерейския школы ученики в стихарях с перевязями черной материи по 5 человек в ряд. 53 человека» (Ведомость о церемонии погребения тела Феофана Прокоповича // Там же. Л. 51).

и протчих чинов» по поводу того, что пятеро из учеников школы были неправомочно взяты в солдаты²⁶. Здесь были указаны имена учеников и предметы, которые они изучили в школе. Больше всего изучил, согласно «ведению», Михаил Ермолаев, который освоил «славенскую грамматику, законное десясословие, молитву Господню, Символ веры, Блаженства Евангелская с толкованием, петь, по-гречески читать, писать речей 25 глав и грамматики 5 частей, по-латине читать, писать речей 25 глав, склонения имен, спряжения глаголов и несколько разговоров и осмочастие», то есть кроме начального обучения он прошел грамматику церковнославянского, греческого и латинского языков. Еще про двоих сказано, что они учили греческий и латинский, про одного, что он учил греческий, но не указано, что он учил латинский.

Сведения об учениках Новгородской школы за 1732–1736 гг. и об изучаемых предметах содержатся в ведомости «Великоновоградския греколатинославенския школы учеником, кои во оной школе от 732-го по нынешней 737-й год в науках обращались и ныне в наличии обретаются», поданной в Синод 28 марта 1737 г.²⁷ Всего здесь указан 71 человек. Наиболее успешные ученики за указанное время после начального образования изучали церковнославянскую грамматику, затем греческий язык, а потом вместе с ним латинский (некоторые — только латинский без греческого). Ученики в ведомости не делятся по классам. Эта особенность вызывает вопрос о том, как был организован учебный процесс в школе. Возможно, курс дисциплины не был разделен на большие сегменты, которые последовательно изучались, и в рамках которых были допустимые границы неуспеваемости, так что учащиеся (и более успешные, и менее успешные) все вместе переходили от одного раздела к другому. Вместо этого ученики каждый отдельно в зависимости от своих успехов переходили к следующему разделу после полного освоения предыдущего.

Наконец, 28 августа 1738 г. в Синод была направлена «Ведомость о школах и учениках в Великоновгородском архиерейском доме обретающихся»²⁸. Здесь перечислены поименно 379 человек, однако не все они действительно учились в школе: часть умерла, часть покинула школу, часть отсутствовала по болезни. Большинство учеников, по сообщению ведомости, проходили начальное обучение, кто-то изучал грамматику церковнославянского, 28 значились в школе «греколатинской» (по списку 32), трое (по списку четверо) — в школе латинской. Здесь впервые мы видим деление учеников по классам: «фара», «инфима», «грамматика».

Осенью 1738 г. с прибытием в Новгородскую школу нового учителя латинского языка иеродиакона Иоанна Ястрембского происходит преобразование учебного процесса по иезуитско-киевской модели²⁹ и открывается новая страница в истории школы, изучение которой, однако, выходит за рамки данного исследования.

Школа Феофана Прокоповича на Карповке

История Карповской школы в Петербурге представлена очень небольшим количеством датированных документов, созданных при жизни Феофана Прокоповича.

²⁶ Ведение эконома Новгородского архиерейского дома Герасима о школьниках, взятых в солдаты // Там же. Оп. 17. Д. 379. Л. 94.

²⁷ Ведомость учеников Новгородской школы // Там же. Оп. 18. Д. 71. Л. 20 об. — 26 об.

²⁸ Ведомость о школах при Новгородском архиерейском доме // Там же. Д. 326. Л. 549–608.

²⁹ Доношение Новгородского архиерейского разряда // Там же. Оп. 19. Д. 288. Л. 103.

После смерти владыки в канцелярии Синода было заведено дело о его имуществе³⁰, в котором содержатся сведения не только за 1736 г., но и за три предшествующих года, а также за 1737–1741 гг. Сведения об учениках Карповской школы сохранились в фонде Александро-Невского монастыря, хранящегося в Российском государственном историческом архиве (Ф. 815).

Школа, находившаяся в Новгороде, не была, по-видимому, связана с Духовным регламентом, и следов прямого влияния его найти сложно. Можно ли найти следы влияния Духовного регламента на Карповскую школу Феофана Прокоповича, который сам был автором этого документа? В нем находится проект следующего учебного плана для «академии»: «Чин учения таковой добрый кажется: 1) грамматика купно с географиею и историею, 2) арифметика и геометрия, 3) логика или диалектика, и едино то двоименное учение, 4) реторика купно или разделно с стихотворным учением, 5) физика, присовокупя краткую метафизику, 6) политика краткая Пуффендорфова, аще она потребна судится быть и может она присовокупитися к диалектике, 7) богословия. Первые шесть по году возмут, а богословия два года»³¹. Не вполне понятно, как надо понимать эти слова, поскольку изучение грамматики занимало обычно не менее двух лет.

Мы практически не располагаем сведениями о том, что изучалось в школе на Карповке до 1728 г. 11 апреля 1728 г. в Синод был представлен «Реэстр ученикам, обретающимся при домово́й в Санкт-Питербурхе школе Феофана архиепископа Великоновгородскаго, которыи и клирическую в церкви в воскресные и праздничные дни и в служении архиерейском службу отправляют»³². В реестре имеется три группы учеников: «которыи прошли реторику и учатся диалектики» (8 человек), «учащиися грамматики латинской» (14 человек), «учащиися читать, писать и петь» (24 человека). Специальными знаками в реестре были отмечены те, кто «живописества навьякают». Такими были все ученики 1-й и 2-й групп. В третьей группе их значится только шесть человек.

Следующий по времени документ, это уже известный в науке «Устав, что надлежит знать и делать ученикам по дням и по часам», сохранившийся в нескольких списках³³. В киевской рукописи, а также в издании И. Чистовича документ состоит из двух частей: первая представляет собственно «Устав», который состоит из 25 пунктов, вторая содержит описание «служебной очереди» и инструкцию «О больных». В списке из Научно-исследовательского отдела рукописей Библиотеки

³⁰ Дело о смерти Феофана Прокоповича и его имуществе // РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 318 (Т. 1); Оп. 18. Д. 405 (Т. 2).

³¹ Духовный регламент, Домы училищныя, Регулы академии, п. 10 // Верховской П. В. Учреждение духовной коллегии и Духовный регламент: в 2 т. Т. 2. Ростов-на-Дону, 1916. С. 57.

³² Реэстр учеников школы Феофана Прокоповича // РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 223. Л. 123–124.

³³ См. публикации документа: Регулы семинарии преосвященного Феофана Прокоповича, архиепископа Великоновгородского и Великолуцкого // Труды Киевской духовной академии. 1866 май (Кн. 2. № 12). С. 77–84 (опубликовано по рукописи Института рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского, шифр КДА 298п (старый шифр о.4.8). С. 757–766 (описание рукописи, в котором она датирована временем до 1751 г., см.: *Петров Н. И.* Описание рукописей Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Киев, 1877. Вып. 2. С. 306–314)); Регулы семинарии преосвященного Феофана, архиепископа Великоновгородского и Великолуцкого // Чистович И. Феофан Прокопович и его время. С. 723–727. — Автор публикации при этом ссылается на рукопись библиотеки Новгородской духовной семинарии № 3885. Местонахождение указанной рукописи установить не удалось. Известен еще один список «Устава», находящийся в Научно-исследовательском отделе рукописей Библиотеки Академии наук (Текущие поступления. № 142).

Академии наук второй части нет. В первой части «Устава» признаков, которые могли бы указать на его связь с Карповской школой, кроме обучения музыке и рисованию, которые, по-видимому, были одними из важнейших предметов в школе Феофана Прокоповича, мы не находим. Во второй же части таким признаком служат имена учеников, которых мы знаем по другим документам. В издании «слов» Феофана Прокоповича авторство устава приписывается самому владыке и датируется он 1727 г.³⁴ Однако в начале второй части среди учеников школы упомянут Прокопий Макарьев, который, согласно данной им в марте 1738 г. сказке, поступил в школу в феврале 1729 г., здесь же упомянут Иван Великодний, который в 1734 г. женился и, видимо, выбыл из школы³⁵. Соответственно, если верно сообщение Прокопия Макарьева, документ можно датировать не ранее 1729 г. и не позднее 1734 г.

В уставе в первых двух пунктах предписывается: «I. В простые дни поутру вставать в 6-м часу <...> 8–9 पहले изученное вчера греческое протвердить, а потом латинского и русского языка обучаться; 10 гулять; 11 рисовать; 12 обедать. II. По полудни 1-й гулять; 2 и 3 латинского и русского языка паки обучаться; 4 и 5 рисовать; 6 и 7 иным голосной, иным инструментальной обучаться музыке на перемену; 8 грамматики еллинского языка; 9 гулять и вечерять и потом молиться и ложиться...»³⁶. Обращает на себя внимание то, что в «Уставе» ничего не сказано о преподавании риторики и логики («диалектики»), которые, согласно реестру 1728 г., изучались в школе. Наоборот, в «Уставе» отведены часы на изучение греческого языка (собственно «греческого» до полудня и «эллинского» после полудня), который больше не упоминается в документах Карповской школы. Если первая часть «Устава» действительно относится к Карповской школе, то отмеченное различие в показаниях документов может объясняться разными причинами, например, тем, что во время пребывания Феофана Прокоповича вместе с императорским двором и Синодом в Москве с начала 1728 по начало 1732 г.³⁷ вместе с ним, по-видимому, находились ученики его школы и для них нашли учителя греческого языка, или тем, что в какой-то момент семинаристов учил Теофил Байер, который, возможно, учил их греческому³⁸.

В 1730 г. Феофан Прокопович направил группу учеников Карповской семинарии к Христиану-Фридриху Гроссу³⁹, который был «профессором философии нравоучительной чрезвычайным»⁴⁰, что может говорить о достаточной языковой под-

³⁴ Оглавление известным на российском языке сочинениям печатным и письменным Феофана Прокоповича архиепископа Новгородского, кроме слов и речей, которые находятся в сей первой части и в следующих частях напечатаны будут // *Прокопович Ф.* Слова и речи: в 3 ч. СПб., 1760. Ч. 1. — В конце книги, без пагинации, № 43.

³⁵ Дарственная Феофана Прокоповича Ивану Великодному // РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 318. Л. 37–38, 56–57.

³⁶ Труды Киевской духовной академии. 1866 май (Кн. 2. № 12). С. 77–78.

³⁷ *Чистович И.* Феофан Прокопович и его время. С. 240–335.

³⁸ В отчете о расходе денег в 1734 г. указан пункт расходов: «профессору Баиеру, обучающему семинарии учеников, за купленные съестные припасы и напитки» (О расходах Санкт-Петербургского подворья Новгородского архиерейского дома в 1734 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 318. Л. 319 об.). Пока непонятно, с какого времени учил Байер семинаристов, кого именно и где.

³⁹ *Prokopowicz Th.* Epistolae... variis temporibus et ad varios amicos datae nunc primum in usum corpus collectae et suo ordine digestae. Mosquae, 1776. P. 76–77; Письмо преосвященного Феофана Прокоповича // Российский магазин. Ч. 2. Кн. 6, август. С. 470–471.

⁴⁰ Материалы для истории Императорской академии наук: в 10 т. СПб., 1885. Т. 1. С. 171; *Пекарский П.* История Императорской академии наук в Петербурге: в 2 т. СПб., 1870. Т. 1. С. 214.

готовке семинаристов. Феофан обращается в письме к Гроссу, как к *imperialis academiae professori*, и И. Чистович пишет, что он «посылал своих учеников для усовершенствования в науках в гимназию при Академии наук»⁴¹. Однако с 1728 по начало 1732 г. Феофан находился в Москве. Там же был и Гросс, как видно из его переписки, отправившийся туда в качестве учителя детей Остерманна⁴². И, возможно, Феофан, направляя своих семинаристов Гроссу, отправлял их к нему не как к представителю Академии наук (Академия и Академическая гимназия оставались в Петербурге), а как к частному учителю. Какой именно предмет должны были изучать у Гросса семинаристы Феофана Прокоповича, пока остается неясным, возможно, имелась в виду логика. Факт отправки учеников говорит о том, что если и не все семинаристы, то, по крайней мере, упомянутые в письме Феофана, находились вместе с ним в Москве. Здесь, однако, возникает вопрос: почему Феофан, находясь в Москве, не отправил своих воспитанников в Славяно-греко-латинскую академию? Возможно, причина состояла в том, что учебный план Карповской семинарии отличался от учебного плана Академии и семинаристам было бы трудно включиться в учебный процесс, или причина была в том, что Феофан Прокопович не испытывал симпатий к иезуитско-киевской модели образования, в соответствии с которой была организована Московская академия.

Что же касается попытки отправить карповских семинаристов учиться в Академию наук, то, вероятно, в качестве таковой надо рассматривать другой случай. 22 ноября 1726 г. архиепископ Феофан Прокопович обратился в Академию с просьбой принять «для обучения» двух рекомендованных им юношей⁴³. Впрочем, не очевидно, что это были именно ученики Карповской школы.

Следующее свидетельство учебной деятельности Карповской школы находится уже в делах синодального архива за 1737 г. 22 февраля в Святейший Синод из конторы Новгородского архиерейского дома в Санкт-Петербурге была представлена специальная ведомость, в которой сообщалось, что «в Санкт-Петербургской архиерейской семинарии обучаются дети нижеследующих учений: 1. славенского диалекта, 2. латинского языка, 3. грамматики, 4. реторики, 5. логики, 6. древностей римских, 7. глобуса, 8. арифметики, 9. геометрии, 10. рисовать, 11. красками мазать, 12. музыки голосной, 13. музыки инструментальной»⁴⁴. Здесь мы опять видим риторику и логику, но не находим упоминания об изучении греческого языка.

Наконец, 13 марта 1738 г. по распоряжению Святейшего Синода оставшиеся 36 учеников школы сообщили сведения о своем происхождении, времени поступления в школу и образовании, которое они в школе получили⁴⁵. Удивительным

⁴¹ Чистович И. Феофан Прокопович и его время. С. 633.

⁴² Пекарский П. История Императорской академии наук в Петербурге. С. 215–216.

⁴³ Летопись Российской академии наук: в 2 т. СПб., 2000. Т. 1. С. 43; со ссылкой на Петербургский филиал архива РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 10. Л. 110. — В опубликованном в 1774 г. сборнике писем Феофана Прокоповича под № 17 находится письмо без указанной даты, адресат которого некий *doctor*, руководящий устройством Академии (видимо, имеется в виду Л. Блюментрост), с просьбой о том же. Здесь Феофан просит принять в Академию *unum et alterum juvenem*. См.: *Prokopowicz Th. Epistolae*... P. 47–48.

⁴⁴ Ведомость об учебных предметах Карповской семинарии // РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 71. Л. 5.

⁴⁵ Показания учеников Карповской семинарии // Там же. Д. 405. Л. 49–56. — В составленной 22 декабря 1736 г. ведомости о служителях Новгородского архиерейского дома в Петербурге значится 43 семинариста. См.: Ведомость о служителях Новгородского архиерейского дома в Петербурге // Там же. Оп. 17. Д. 318. Л. 381–381 об.

представляется то, что ни в одной из сказок не говорится об изучении в школе риторики и логики, хотя в ведомости начала 1737 г. сообщалось об изучении этих предметов. Даже Иван Иванов сын Богданов⁴⁶, который, согласно его сказке, был принят в школу в 1721 г. и который в ведомости 1728 г. значится в группе учеников «которые прошли реторику и учатся диалектики», сообщил, что он «обучен российской граммати и по-латине, к тому же музыки голосной и инструментальной, и арифметики, рисовать и малевать»⁴⁷. Возможно, причина такого умолчания заключается в том, что риторика и логика, которые, вполне вероятно, преподавались на латыни, включались в одно понятие «обучен по-латине». Впрочем, причина может быть и иной: содержание сказки было обусловлено вопросами, в соответствии с которыми ученикам надо было сообщать о себе сведения, и в такой опросный лист входили вопросы о том, изучал ли ученик российскую грамматику, латинский язык, музыку, арифметику и рисование, а вопросов о том, изучал ли он реторику, логику или другие предметы, не было.

В сказках учеников обращает на себя внимание то, что многие из них учились музыке и рисованию. Из 36 человек 19 сообщили о себе, что они учились в школе Феофана Прокоповича музыке: кто-то «голосной и инструментальной» (8 человек), кто-то только «голосной» (10 человек), один — только «инструментальной». Причем из 13 учеников, поступивших в школу до 1731 г., музыке обучались 12. Трое учеников, которые не сообщили в сказках, что учились музыке, были детьми певчих и, возможно, поступили в школу уже с навыками вокальной музыки. Примечательно, что трое из тех, кто учился музыке, даже не сообщают, что они учились латинскому языку. В изучении музыки в школе был практический смысл. Ученики школы составляли что-то вроде архиерейского хора или капеллы⁴⁸. В представленном в контору известии об освящении храма Симеона и Анны 27 января 1734 г. сообщалось, что при Феофане Прокоповиче на церемонии находились «обретающейся при его преосвященстве школы ученики всегда поющие», которые «на освящении и в литургии отправляли пение на правом крылосе»⁴⁹. Здесь же перечислены 19 имен. Из этого списка мы видим, что даже Василий Алексеев сын Нестеров, сын «московского купецкого человека», который в своей сказке 1738 г. не показал о себе, что он учился музыке, пел в хоре. Непонятно пока, кто был учителем музыки в Карповской школе. В сказках 1738 г. говорится, что ученики учились наукам «от разных при его преосвященстве бывших учителей». Однако могли ли учить музыке известные нам учителя этой школы Адам Панцевич, Теофил Байер, Георгий Феодорович, мы не можем сказать.

Еще одним важным предметом обучения в Карповской школе оказывается рисование. В сказках 1738 г. из 36 человек о том, что они учились в школе рисованию, сообщили 22 («рисовать и малевать» — 6 человек, «художества живописнаго» — 5 человек, просто «рисовать» — 11 человек, а Трофим Ульянов сказал, что учился «живописнаго, штыхованного и грыдорованнаго художеств»). При этом пятеро

⁴⁶ Мы приводим и «отчество», и «фамилию», потому что в документах один и тот же ученик записывался то с фамилией, а то с отчеством в качестве фамилии.

⁴⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 405. Л. 49.

⁴⁸ Чудинова И. А. «Горе вам, бедная воспеваки...»: Синодальные и архиерейские певчие в Петербурге XVIII века // Невский архив. [Вып.] 2. М.; СПб., 1995. С. 290.

⁴⁹ Известие об освящении храма Симеона и Анны // РГИА. Ф. 796. Оп. 15. Д. 44. Л. 9–9 об.

из тех, кто учился рисовать, даже не сообщают, что они изучали латинский язык. В упомянутом выше «Уставе» предусматривались занятия рисованием ежедневно до и после полудня. Имеется свидетельство, что Феофан Прокопович позаботился обеспечить своих семинаристов образцами для рисования⁵⁰.

В сказках 1738 г. несколько учеников сообщили, что они продолжают заниматься живописью, причем трое из них — сын «дворцового живописца» Алексей Васильев сын Вировский, сын певчего Новгородского архиерейского дома Прокопий Макарьев и сын солдата Преображенского полка Алексей Флоров сын Соловьев — показали, что учатся живописи у своего товарища, одного из старших учеников Карповской школы Григория Теплова. Трофим Ульянов сказал, что «собой в живописестве упражняется», а Яков Юрьев сын Петрулев, что ничему «кроме оно-го живописества, не обучается». Интересно, что датированные художественные работы учеников Карповской школы относятся ко времени после смерти Феофана Прокоповича. Кто был учителем рисования в школе при его жизни? Ученик школы Григорий Павлов, который, согласно своей сказке, поступил в школу в мае 1736 г. и был мещанским сыном из Нежина, учился «рисовать от живописца Логина Гаврилова». Однако непонятно, учил ли Логин Гаврилов рисовать и других учеников.

Приобретенный навык рисовать давал тем, кто получил образование в Карповской школе, дополнительные возможности для карьеры. Иван Никифоров, который значится в реестре 1728 г. в группе тех, «которые прошли реторику и учатся диалектики», и отмечен как изучающий живопись, в 1734 г., как упомянуто выше, был определен Феофаном Прокоповичем «в домовую его новгородскую архиерейскую школу для обучения имеющих во оной школе учеников на латинском диалекте»⁵¹. После реорганизации Новгородской архиерейской школы в семинарию по киевскому образцу он какое-то время оставался учителем латинского, но преподавал только его элементарные основы и в ведомостях 1741/42 и 1742/43 учебных годов подписался учителем «фары», подготовительного грамматического класса, где начиналось знакомство с основами латинского языка. В ведомостях же 1743/44 и 1744/1745 гг. он уже подписывался учителем «школы рисовальной», куда переводили учеников безуспешных в изучении латыни, а учителями «фары» были в эти годы другие лица⁵².

Григорий Теплов, видимо, научился столь неплохо рисовать, что архиепископ Феофан Прокопович привлек его к выполнению работ для Артемия Волынского. Во время следствия над кабинет-министром Василий Кубанец показал, что «семинарист Григорей Теплов писал Волынскому картины <...> под присмотром покойного Новгородского архиерея <...> и плачено ему было за работу <...> работал Теплов, когда пошлют <...> и бывал в доме ево (Волынского) дни по три и по четыре для работы, а других учеников не было в ево работе»⁵³.

⁵⁰ *Prokopowicz Th. Epistolae...* P. 86–87.

⁵¹ Прошение учителя Ивана Никифорова в Св. Синод // РГИА. Ф. 796. Оп. 19. Д. 288. Л. 240.

⁵² *Салоников Н. В., Суториус К. В.* Ведомости учеников Новгородской архиерейской школы и семинарии как источник по истории образования в первой половине XVIII в. // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования. Великий Новгород, 2018. С. 35–36.

⁵³ *Лаврентьев А. В.* К биографии «живописца» Г. Н. Теплова // Факты и знаки: Исследования по семиотике истории. М., СПб., 2014. Вып. 3. С. 202.

22 марта 1738 г., занимаясь распределением учеников Карповской школы, Кабинет императрицы распорядился «Мартина Ильина сына Шеина, Петра Михайлова, Трофима Ульянова отослать в медицинскую канцелярию к архиатеру для определения по их наукам <...> Якова Юрьева в инженерной корпус в мастера живописного дела, понеже он другому не учился <...> Максима Васильева, Алексея Васильева в ведомство канцелярии от строений в живописцы, понеже они, кроме того, иных никаких наук не обучались»⁵⁴. Здесь примечательно указание на то, что некоторые семинаристы, кроме живописи, ничему другому не учились. В то же время в своих сказках они показали, что в Карповской школе они учились «российской грамоте» и «голосной музыке». Возможно, «никаких наук» означает, что они не изучали латинский язык. В 1740 г. Шеин, Ульянов и Юрьев (Петрулев) как художники значатся среди тех, кто был послан из разных учреждений для оформления церемонии погребения Анны Иоанновны: Шеин и Ульянов — от морских госпиталей, а Юрьев — от Инженерного корпуса⁵⁵.

С обучением рисованию в Карповской школе, возможно, надо связать группу картин 1737–1739 гг., подписанных именами ее учеников. В литературе упоминаются три работы Григория Теплова, хранящиеся в Музее-усадьбе «Кусково» (Инв. Ж-246 и Инв. Ж-250) и Государственном Эрмитаже (Инв. ЭРЖ-2222⁵⁶), натюрморт Трофима Ульянова в Музее-усадьбе «Останкино» (Инв. Ж-129)⁵⁷ и натюрморт с книгами Петра Богомолова в Музее-усадьбе «Кусково» (Инв. Ж-341)⁵⁸. Авторы этих работ, как показывают сказки карповских семинаристов 1738 г., относились к группе старших учеников, которые «за неимением учителей ни чрез кого, ни в чем наставления» не имели и не обучались⁵⁹. Конечно, велик соблазн видеть в предметах, изображенных на этих картинах, вещи, которые действительно находились в окружении учеников — книги, перья, чернильницы, письма, ножницы, расчески, однако эти натюрморты относятся к тому виду, который в литературе называется «обманкой» (*trompe l'oeil*)⁶⁰, и были написаны, по-видимому, по устойчивым иконографическим правилам, так что отождествление этих предметов с реальными вещами кажется сомнительным⁶¹.

⁵⁴ Определение Кабинета о карповских семинаристах // РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 405. Л. 75; Чистович И. Феофан Прокопович и его время. С. 636.

⁵⁵ Глоzman И. М. К истории русского натюрморта // Русское искусство XVIII века: Материалы и исследования. М., 1968. С. 57.

⁵⁶ Гусев Д. В. «Обманка» Г. Н. Теплова и неизвестные факты его биографии // Исторический формат: электронное периодическое издание. 2016. № 1. С. 303–324; Смирнов А. В. Григорий Николаевич Теплов — живописец и музыкант // Семь искусств. 2016. № 5 (74).

⁵⁷ Усачева С. Вещи века // Третьяковская галерея. 2012. № 3 (36).

⁵⁸ Глоzman И. М. К истории русского натюрморта. С. 62. — Еще два натюрморта с изображением книжных полок И. М. Глоzman рассмотрел в Музее-усадьбе «Кусково» (Инв. Ж-340; Инв. Ж-619). См.: Там же. С. 63. Он полагал, что обе картины были написаны неким русским художником не ранее 1734 г. На второй картине автор оставил подпись, начинающуюся словом *excidit*, что говорит о знании им латыни. В связь с натюрмортами Теплова и Ульянова И. М. Глоzman ставил еще три картины: из Музея-усадьбы «Останкино» (Инв. Ж-130) и Музея-усадьбы «Кусково» (Инв. Ж-247; Ж-248). См.: Там же. С. 60–61.

⁵⁹ Показания учеников Карповской семинарии // РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 405. Л. 50 об. — 51.

⁶⁰ Маркс Х. «Trompe l'oeil» и «cognition». О некоторых картинах дрезденской выставки «Натюрморт и его предмет» // Вещь в искусстве. М., 1986. С. 119–124.

⁶¹ А. Майер-Мейнтшел предполагает, что «Теплов обращается к традиционным мотивам, которые были в употреблении в 30-е годы XVII столетия». См.: Майер-Мейнтшел А. Вермеер Делфтский и Григорий Теплов. Письмо как мотив изображения // Там же. С. 88.

Возможно, благодаря обучению в Карповской школе Мартин Шеин, а также Трофим Ульянов и Петр Богомолов приобрели те навыки, которые позволили им выступить в качестве иллюстраторов известного анатомического атласа “Syllabus seu Index omnium partium corporis humani figuris” (1744)⁶².

Наконец, шестеро учеников в сказках 1738 г. объявили, что они изучали арифметику, причем пятеро из них поступили в школу до 1728 г., а один — в 1736 г. Умолчание прочими учениками того, что они изучали математику, вызывает недоумение.

В доношении в Святейший Синод управляющих «Санкт-Петербурхского Новгородского архиерейского дома» 17 марта 1738 г. сообщалось, что «при жизни одного покойного преосвященнаго Феофана архиепископа обучались те семинаристы разными многими учителями и с денежной от его преосвященства платы, а по смерти его архиерейства и по ныне никакова учителя в той семинарии не имеется, и вновь ничего не учатся, кроме того, что каждой от себя по прежней своей науке рисуют и малюют, и на инструментах играют, или кто, что знают, то для незабытия и протверживают»⁶³. Согласно сказкам восемь человек учились у Григория Теплова латинскому языку, рисованию и музыке, три ученика — латинскому языку у Мартина Шеина, семеро — у Якова Осипова сына Зверева (шестеро — российской грамоте, один — латыни), шестеро — латыни у Ивана Иванова сына Богданова. При распределении учеников Карповской школы 22 марта 1738 г. Кабинет распорядился определить «Ивана Иванова, Якова Осипова, Григорья Теплова для обучения той же семинарии других семинаристов на время за совершенными летами, которые далее наук продолжать не могут, к делам»⁶⁴. Эти же семинаристы учили своих товарищей после их перевода в Александро-Невский монастырь, где до 1741 г. ученики Карповской школы составляли отдельную группу и не входили в состав семинарии при монастыре.

Таким образом, при сравнении с учебным планом, описанным в Духовном регламенте, в известных нам сегодня документах мы не находим в Карповской школе архиепископа Феофана Прокоповича следов преподавания богословия, политики, физики, а также «стихотворного учения». Возможно, это связано с дефицитом источников, на основании которых мы можем судить о программе Карповской школы, а также о том, как было организовано в ней преподавание. В доношении управляющих «Санкт-Петербурхского Новгородского архиерейского дома» 17 марта 1738 г. сообщалось о том, что ни в Санкт-Петербургской «канторе» архиерейского дома, ни в так называемых «домовых экономических делах», которые заведовали семинарией после смерти Феофана Прокоповича, «известия, что из каких кто семинаристы чинов, и от которых кто времен в той семинарии находятся, и кто чему обучены и ныне обучаются, не имеется, и знать об них не по чему, понеже кроме одного из всех тех семинаристов, Мартина Шеина, кто, когда и отколь в тое семинарию принят, писменнаго никакова свидетельства не имеется, а приниманы были

⁶² Романов Н. А., Доросевич А. Е. “Syllabus” — первый отечественный анатомический атлас // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2009. № 4. С. 60.

⁶³ Доношение Новгородского архиерейского дома в Петербурге // РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 405. Л. 48 об.

⁶⁴ Определение Кабинета о Карповских семинаристах // Там же. Л. 75.

те семинаристы по словесным оного покойного преосвященнаго Феофана архиепископа приказам»⁶⁵.

В связи с новгородскими школами времени Феофана Прокоповича возникает терминологический вопрос. Школа в Новгороде, в которой, по ведомости начала 1737 г., больше половины учеников были детьми церковнослужителей (41 из 64)⁶⁶, не называется семинарией, а ученики ее называются просто школьниками. Напротив, Карповская школа, в которой, по сказкам начала 1738 г., дети церковнослужителей составляли меньшинство (9 из 36)⁶⁷, хотя и называется также школой, однако во второй половине 1730-х гг. нередко именуется семинарией, а ученики ее — семинаристами. При этом, как мы видим, набор предметов, которые в Карповской школе изучались, носил еще меньше признаков духовного (церковного) образования, чем учебный план школы в самом Новгороде. Возможно, наименование «семинария» здесь надо вписать в предшествующую традицию употребления этого слова, которое обозначало центр профессиональной подготовки, в то время как «школа» обозначала учебное заведение вообще без интенции на профессионализацию. Следы такого употребления можно встретить в России даже во второй половине XIX — начале XX в., поскольку учебные заведения, в которых обучались будущие учителя земских школ, назывались учительскими семинариями. Во всяком случае сведения, которыми мы располагаем, не говорят о том, что учащиеся Новгородской и Карповской школ получали настолько разный уровень образования, что можно было бы предполагать, что терминами «школа» и «семинария» обозначались учебные заведения разного уровня.

Таким образом, обнаруженные нами источники позволяют сказать, что в период управления Новгородской епархии архиепископом Феофаном Прокоповичем обе школы, находившиеся на ее балансе, давали своим ученикам образование примерно одного уровня. Это было общее гуманитарное образование, позволявшее их воспитанникам выстраивать карьеру в самых разных областях гражданской и церковной службы. Однако последующая судьба обеих школ была различной: школа в Новгороде продолжила свою деятельность и к 1750-м гг. стала одной из наиболее успешных семинарий, а Карповская школа прекратила существование почти сразу после смерти своего основателя (1736 г.). Почему? Для ответа на этот вопрос надо обратить внимание на то, какое место занимали архиерейские школы Новгородской епархии в своем сегменте образования.

Из учебных заведений, существовавших в 1730-х гг. в Санкт-Петербурге (школа при Александро-Невском монастыре, Академическая гимназия, Морская академия, Сухопутный шляхетский корпус, Академический университет, школы при Морском госпитале), новгородские школы можно, пожалуй, поставить в один ряд с первыми двумя.

Согласно ведомости об Александро-Невской школе (ноябрь 1727 г.)⁶⁸, в ней, помимо предметов, относящихся к начальному образованию (букварь, толкование

⁶⁵ Доношение Новгородского архиерейского дома в Петербурге // Там же. Л. 48.

⁶⁶ Ведомость учеников Новгородской школы // Там же. Д. 71. Л. 20 об. — 26 об.

⁶⁷ Тут еще возникает вопрос, кого относить к церковнослужителям: включать ли в их число, с одной стороны, дворцовых певчих, которые, очевидно, принимали участие в богослужениях, а с другой, сторожа Софийского собора и подьяка архиерейского дома.

⁶⁸ Ведомость о школе Александро-Невского монастыря // РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 223. Л. 56–59.

Блаженств Евангельских, Часослов, письмо, Псалтырь), изучались также грамматика церковнославянского, грамматика греческого, арифметика и, что интересно, «по силе Духовнаго регламента ко увеселению учащихся обучаются некоторые из семинаристов наемным мастером на мусикийских инструментах» («на габои, и шалбои, и фляуте»)⁶⁹. Нельзя не обратить внимание на сходство учебного плана этой школы, основанной Феодосием Яновским в 1721 г., с программой архиерейской школы в Новгороде (включение в курс обучения начального образования, изучение церковнославянской грамматики, изучение греческого). Первыми учителями ее были воспитанники архиерейской школы в Новгороде, и нельзя исключить, что Новгородская школа была образцом для организации школы в Александро-Невском монастыре.

В Академической гимназии, по инструкции 1732 г.⁷⁰, мы тоже видим, что основной упор делался на предметах гуманитарного цикла: в латинской школе в первом, высшем, классе в качестве предметов изучения значатся риторика, латинские авторы, арифметика с геометрией, французский, логика, греческий, география, история; а в низших классах — латинская грамматика, латинские авторы, арифметика, география, история, письмо.

Однако между программой обеих новгородских школ было одно, как кажется, важное различие. Большое место, которое занимало в Карповской школе обучение музыке и в особенности живописи, делало ее своеобразным институтом культуры и сближало со школой в Александро-Невском монастыре. В этом смысле архиерейская школа в Новгороде, где мы не находим ни инструментальной музыки, ни живописи, ни даже математики, оказывается более традиционной.

Хотя учебными заведениями с наибольшим количеством учащихся в Петербурге были Морская академия (действовала с 1715 г.) и Сухопутный шляхетский корпус (с 1732 г.), в отличие от новгородских школ, это были сословные учебные заведения. Они были ориентированы на подготовку дворянских детей к военной службе, и обучение в них носило специальный, практический характер⁷¹.

Такое беглое сравнение может до некоторой степени объяснить нам судьбу Карповской школы после смерти ее основателя: почему школа прекратила существование, ученики ее были переведены в Александро-Невский монастырь, а затем отчасти определены в монастырскую школу, отчасти назначены на светские должности. Школа Феофана Прокоповича не вписывалась в ту систему образования, которая складывалась к концу 1730-х гг., где школы церковного ведомства следовали гуманистической модели образования. По своей юрисдикции она подчинялась

⁶⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 223. Л. 56 об.

⁷⁰ Материалы для истории Императорской академии наук. СПб., 1886. Т. 2 (1731–1735). № 229. С. 169–178.

⁷¹ Мы не привлекаем к сравнению так называемый Академический университет и школы при Морском госпитале, поскольку обучение в них предполагало у учащихся уже значительную предварительную подготовку (знание латинского языка), носило специальный характер и было ориентировано на предметы главным образом естественно-научного цикла. Литература, посвященная этим учебным заведениям, обширна. Укажем лишь основные работы: *Петрухинцев Н. Н.* Становление Кадетского корпуса при Анне Иоанновне 1731–1740 // *Труды Государственного Эрмитажа*. Т. XXXVII. СПб., 2007. С. 132–144; *Федюкин И.* Основание Морской академии: документы барона де Сент-Илера и его преемников, 1715–1723 // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII в. М., 2015. С. 34–69; *Федюкин И., Лавринович М.* Сухопутный Кадетский корпус в Санкт-Петербурге (1730-е) и его берлинский прообраз // Там же. 264–316.

церковным властям, но по программе обучения была близка светским учебным заведениям. Особенно, как мы видим, Карповская школа выделялась изучением живописи, но, вероятно, еще не возникла потребность в специальной институции для преподавания этого предмета, поэтому самой школе не нашлось места в образовательной сети 1730-х гг. Школа же в Новгороде вполне в эту систему укладывалась и потому продолжала свою деятельность.

References

- Chistovich I. *Feofan Prokopovich i ego vremia*. St Petersburg, Tip. Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1868, 752 p. (In Russian)
- Chudinova I. A. "Gore vam, bednyia vospevaki...": Sinodal'nye i arkhieireiskie pevchie v Peterburge XVIII veka. *Nevskii arkhiv*, [issue] 2. Moscow, St Petersburg, 1995, pp. 287–307. (In Russian)
- Fediukin I. Osnovanie Morskoi akademii: dokumenty barona de Sent-Illera i ego preemnikov, 1715–1723. "Reguliarnaia akademiia uchrezhdena budet...": *Obrazovatel'nye proekty v Rossii v pervoi polovine XVIII v.* Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2015, pp. 34–69. (In Russian)
- Fediukin I., Lavrinovich M. Sukhoputnyi Kadetskii korpus v Sankt-Peterburge (1730-e) i ego berlinskii proobraz. "Reguliarnaia akademiia uchrezhdena budet...": *Obrazovatel'nye proekty v Rossii v pervoi polovine XVIII v.* Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2015, pp. 264–316. (In Russian)
- Glozman I. M. K istorii russkogo naturmorta. *Russkoe iskusstvo XVIII veka: Materialy i issledovaniia*. Moscow, Iskustvo Publ., 1968, pp. 53–71. (In Russian)
- Gusev D. V. "Obmanka" G. N. Teplova i neizvestnye fakty ego biografii. *Istoricheskii format: elektronnoe periodicheskoe izdanie*, 2016, no. 1, pp. 303–324. (In Russian)
- Kostin A., Kostina T. "Reglament gimnazii pri Imperatorskoi akademii nauk v Sankt-Peterburge" Georga Vol'fganga Krafta 1739 goda i ego podgotovka. "Reguliarnaia akademiia uchrezhdena budet...": *Obrazovatel'nye proekty v Rossii v pervoi polovine XVIII v.* Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2015, pp. 219–263. (In Russian)
- Kostina T. V. K voprosu o chislennosti i statuse pervykh akademicheskikh studentov v Peterburge (1725–1732 gg.). *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo universiteta*. Ser. II: Istorii. Istoriiia Russkoi pravoslavnoi tserkvi, 2016, issue 1 (68), pp. 32–44. (In Russian)
- Lavrent'ev A. V. K biografii "zhivopistsa" G. N. Teplova. *Fakty i znaki: issledovaniia po semiotike istorii*. Moscow, St Petersburg, Nestor-Istorii Publ., 2014, issue 3, pp. 192–208. (In Russian)
- Letopis' Rossiiskoi akademii nauk*, vol. 1. comp. and transl. by E. Iu. Basargina et al. St Petersburg, Nauka Publ., 2000, 994 p. (In Russian)
- Maier-Meintshel A. Vermeer Delftskii i Grigorii Teplov. Pis'mo kak motiv izobrazheniia. *Veshch' v iskusstve*. Moscow, Sovetskii khudozhnik Publ., 1986, pp. 82–89. (In Russian)
- Marks Kh. "Trompe l'oeil" i "cognition". O nekotorykh kartinakh drezdenskoi vystavki "Naturmort i ego predmet". *Veshch' v iskusstve*. Moscow, Sovetskii khudozhnik Publ., 1986, pp. 119–124. (In Russian)
- Pekarskii P. *Istoriiia Imperatorskoi akademii nauk v Peterburge*. St Petersburg, Akademiia nauk Publ., 1870, vol. 1, issue LXX, 774 p. (In Russian)
- Petrov N. I. *Opisanie rukopisei Tserkovno-arkheologicheskogo muzeia pri Kievskoi dukhovnoi akademii*. Kiev, Tip. S. T. Eremeeva Publ., 1877, issue 2, 542 p. (In Russian)
- Petrukhintsev N. N. Stanovlenie Kadetskogo korpusa pri Anne Ioannovne 1731–1740. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*. St Petersburg, 2007, vol. XXXVI, pp. 132–144. (In Russian)
- Romanov N. A., Dorosevich A. E. "Syllabus" pervyi otechestvennyi anatomicheskii atlas. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdruvookhraneniia i istorii meditsiny*, 2009, no. 4, pp. 59–60. (In Russian)
- Salonikov N. V., Sutorius K. V. Podgotovka uchitelei grammatiki tserkovnoslavianskogo iazyka v Novgorodskoi arkhieireiskoi shkole (1723–1725 gg.). *Novgorodskii istoricheskii sbornik*. Velikii Novgorod, Novgorodskii gosudarstvennyi universitet Press, 2020, issue 19 (29), pp. 397–426. (In Russian)
- Salonikov N. V., Sutorius K. V. Vedomosti uchenikov Novgorodskoi arkhieireiskoi shkoly i seminarii kak istochnik po istorii obrazovaniia v pervoi polovine XVIII v. *Dokumental'noe nasledie Novgoroda i*

- Novgorodskoi zemli. Problemy sokhraneniia i nauchnogo ispol'zovaniia*. Velikii Novgorod, Novgorodskii gosudarstvennyi universitet Press, 2018, pp. 19–36. (In Russian)
- Smirnov A. V. Grigorii Nikolaevich Teplov — zhivopisets i muzykant. *Sem' iskusstv*, 2016, no. 5 (74). (In Russian)
- Usacheva S. Veshchi veka. *Tret'iakovskaia galereia*, 2012, no. 3 (36). (In Russian)
- Voznesenskaia I. A. Novgorodskaia arkhieieiskaia shkola. *Vtorye Likhudovskie chteniia*. Velikii Novgorod, Novgorodskii gosudarstvennyi universitet Press, 2009, pp. 55–59. (In Russian)
- Voznesenskaia I. A. Novgorodskaia shkola brat'ev Likhudov. *Novgorodskii istoricheskii sbornik*. St Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2005, issue 10 (20), pp. 205–235. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 20 января 2022 г.

Рекомендована к печати 10 сентября 2022 г.

Received: January 20, 2022

Accepted: September 10, 2022